БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

Чугунка

АЛЕКСАНДР БЕЛОКАМЕННЫЙ

Александр Белокаменный

Чугунка

«Автор»
2026

Белокаменный А.

Чугунка / А. Белокаменный — «Автор», 2026

Серия «Белый камень». Легенды берега Москвы-реки у села Сабурово. 1864 год. Через Москву-реку строят железнодорожный мост. По селу ходят слухи: мост, говорят, на душе стоит, а чугунка своё возьмёт. Вдова Агафья носит на стройку молоко и слухам не верит. Десятая история серии.

© Белокаменный А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

О серии 6
Чугунка 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Чугунка

О серии

«Белый камень» — серия литературных легенд о белом камне над Москвой-рекой у села Сабурово. Камень везли для белых стен Москвы, но он остался на берегу. С тех пор у него останавливаются цари и поэты, мастера и крестьяне, солдаты и дети, а род Ждановых бережёт это место без грамоты и жалованья.

Каждая история — законченный рассказ с тихим чудом и сдержанной иронией. Читать их можно в любом порядке. Вместе они складываются в летопись одного берега.

Чугунка

Копёр начинал бить затемно, когда в Сабурово ещё не топили печей. Удар приходил через реку глухо, будто кто-то ронял на землю тяжёлый мешок, и после каждого удара в избе у Агафьи тихо звякала крышка на чугунке. Она уже не замечала этого звона, как не замечала, что сама теперь просыпается на два удара раньше петуха.

Над водой стояли бревенчатые вышки, и между ними ходила вверх и вниз чугунная баба. Мужики тянули верёвки, баба падала на сваю, свая уходила в дно на вершок. Так с утра до ночи. К Николе вешнему из воды вылезли первые клетки из брёвен, а потом в них стали класть камень. Камень возили подводами с той стороны, и подводы стояли у берега длинной вереницей, как на ярмарке.

Агафья подоила корову, процедила молоко в четыре кринки, завязала их тряпицами. Хлеб она пекла с вечера. Всё это уложила в две корзины и пошла к колодцу за водой, пока не рассвело.

У колодца уже стояли бабы.

— Слыхала, Агаша? — сказала Матрёна, не дожидаясь, пока она поставит вёдра. — Мост-то, говорят, на душе стоит.

— На какой душе?

— А на живой. Без души такую тяжесть вода не удержит. Им непременно кого-нибудь положить надо.

— Это кто ж тебе сказал?

— Люди говорят.

Вторая баба, высокая, в мужнином армяке поверх сарафана, придвинулась ближе.

— А ещё говорят, как чугунка пойдёт, скотина доиться перестанет. От дыма и от свиста. У тульских так было.

— У тульских чугунки нет, — сказала Агафья.

— Будет, раз строят.

— А ещё дед Прохор, ямщик, рассказывал, — вставила Матрёна, — будто возил он раз барина, и тот к камням бегом бегал, а назад шёл тихо, как из церкви. Над Прохором смеялись, а он всё своё.

— Это ты к чему?

— А к тому, что место такое.

— А за землю что дали? — не унималась Матрёна. — Бумажками дали. Бумажки сейчас, а потом придут и отберут. Попомните моё слово.

Агафья вытянула ведро, перелила воду и взялась за второе. Спорить ей не хотелось. Она знала, что после спора Матрёна будет полдня ходить по дворам и рассказывать, какая Агафья стала умная.

— Моё молоко пока берут, — сказала она. — И не жалуются.

— Пока, — сказала Матрёна.

Агафья подняла вёдра на коромысло и пошла домой. За рекой опять ударил копёр, и вода в вёдрах вздрогнула мелкой рябью.

К артельному балагану она спустилась, когда солнце уже встало над лесом. У котла возился кашевар, рябой мужик в фартуке из мешковины. Он первым взял кринку, понюхал молоко, отпил прямо через край и полез в карман за деньгами. За ним подошли двое плотников, потом ещё трое. Хлеб разобрали быстрее молока. Кашевар сказал, что если она будет носить каждый день, то он будет брать каждый день, а то бабы с той стороны носят кислое.

Агафья пересчитала медяки и завязала их в уголок платка. Копёр бил совсем рядом, и земля под ногами вздрагивала на каждый удар, будто где-то внизу ворочался большой зверь.

Кашевар этого уже не замечал. Он помешивал кашу и считал удары вслух, чтобы знать, скоро ли обед.

* * *

Митька пропадал на стройке с первого тёплого дня. Ему шёл двенадцатый год, и дома от него проку было мало, а на берегу он знал всех по имени. Знал, какой мужик тянет верёвку лучше, у какой подводы хромая лошадь и кто из солдат даст подержать топор.

Солдаты рабочей команды жили в балагане у самого спуска. Балаган был длинный, крытый дёрном, с одной дверью и двумя окошками без стёкол. Утром они строились, их считали, и они расходились по работам. Вечером возвращались серые от пыли и мокрые до пояса.

Чаще всего Митька вертелся возле Корнея. Тот был немолодой, лет сорока, с тяжёлыми руками и бородой, в которой уже было больше соли, чем перца. Говорил он мало, а верёвку вязал так, что Кузьмич, десятник, ставил его на подъём, когда клали самые большие камни.

Однажды Агафья пришла с корзинами и увидела, что Митька сидит на бревне рядом с Корнеем и держит в руках обрывок каната.

— Тяни, — сказал Корней.

Митька потянул. Узел только туже сел на палку.

— Сильней.

Митька упёрся ногами в бревно и потянул так, что покраснел. Узел не поддался.

— А теперь этот конец.

Митька дёрнул короткий конец, и канат сам упал с палки на землю, как будто его и не было. Митька засмеялся и стал вязать снова, путаясь в петлях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.